

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
//Художественная литература, Москва, 1959
FB2: "Vitmaier ", 2007-02-09, version 1.0
UUID: 7EE5EFC2-E490-460E-9E1A-5D7BA832B9BA
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Домик в Коломне
(Поэмы)

Содержание

* * *	.0004
Из ранних редакций	.0023
Комментарий	.0032

**Александр Сергеевич
Пушкин
ДОМИК В КОЛОМНЕ**

Четырестопный ямб мне надо-
ел:

Им пишет всякий. Мальчикам в
забаву

Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за ок-
таву.

А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пушусь на
славу!

Ведь рифмы запросто со мной
живут;

Две придут сами, третью приве-
дут.

А чтоб им путь открыть широ-
кий, вольный,

Глаголы тотчас им я разрешу...
Вы знаете, что рифмой нагла-
гольной

Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов бого-
мольный[1];

По большей части так и я пишу
К чему? скажите; уж и так мы
голы.

Отныне в рифмы буду брать гла-
голы.

Не стану их надменно брако-
вать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую
стать, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сбе-
речь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и
солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не
парад.

Ну, женские и мужеские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Равняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слиш-
ком строги;
Держись вольней и только не пло-
шай,
А там уже привыкнем, слава бо-
гу,
И выедем на ровную дорогу.

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за
строем,
Не позволять им в сторону бре-
сти,
Как войску, в пух рассыпанному
боем!
Тут каждый слог замечен и в че-
сти,
Тут каждый стих глядит себе ге-
роем,
А стихотворец... с кем же равен
он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

Немного отдохнем на этой
точке.
Что? перестать или пустить на
пе?..
Признаться вам, я в пятистопной
строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канаве,
Всё кажется мне, будто в тряс-
ком беге
По мерзлой пашне мчусь я на те-
леге.

Что за беда? не всё ж гулять
пешком
По невскому граниту иль на бале
Лощить паркет, или скакать вер-
хом
В степи киргизской. Поплеться-ка
дале,
Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

Скажу, рысак! Парнасский ино-
ходец
Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый
колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хорово-
дец
Старушек муз уж не прельщает
нас.
И табор свой с классических вер-
шинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

Усядьяся, муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, рез-

вушка!

*Теперь начнем. — Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и
дверь.*

*Дни три тому туда ходил я
вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На
месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало, тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что
же?*

*Мне стало грустно: на высокий
дом
Глядел я косо. Если в эту пору*

Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным
сном
Бывает сердце полно; много вздо-
ру
Приходит нам на ум, когда бре-
дем
Одни или с товарищем вдвоем.

Тогда блажен, кто крепко сло-
вом правит
И держит мысль на привязи своей,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию;
Но кто болтлив, того молва про-
славит
Вмиг извергом... Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена уны-
лость:
Оставим это, — сделайте мне
милость!

Старушка (я стократ видал
точь-в-точь
В картинах Рёмбрандта такие
лица)
Носила чепчик и очки. Но дочь

Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — темные как ночь,
Сама бела, нежна, как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина[2],

Играть умела также на гитаре
И пела: Стонет сизый голубок,
И Выду ль я, и то, что уж поста-
ре,
Всё, что у печки в зимний вечерок
Иль скучной осенью при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши грустная певица.

Фигурно иль буквально: всей се-
мьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная приме-
та!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев.

Параша (так звалась красотка

наша)
Умела мыть и гладить, шить и
плести;
Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счета вести,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала
нести
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

Старушка мать, бывало, под
окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером за маленьким столом
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тем, весь обегала
дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий
пол!).

Зимою ставни закрывались рано,
Но летом до ночи растворено
Всё было в доме. Бледная Диана

Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно хра-
пела,
А дочка — на луну еще смотрела

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак
нескромный,
Да стражи дальний крик, да бой
часов —
И только. Ночь над мирною Ко-
ломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы
томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

По воскресеньям, летом и зи-
мою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в вос-

кресенье

Там слушать русское богослужение.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню,
право)

Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;

Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу направо,

Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.

Смиренье в ней изображалось
нежно;

Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды
новой,

В своей красе надменной и суровой.

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я чи-
тал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб... В них-то я вни-
кал,
Невольный взор они-то привлека-
ли...
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня
внесла.

Она страдала, хоть была пре-
красна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была под-
властна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, — она была
несчастлива.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль уз-

лом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой; но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

Меж ими кто ее был сердцу
ближе,
Или равно для всех она была
Душою холодна? увидим ниже.
Покаместь мирно жизнь она ве-
ла,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера[3]).

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани
жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рожде-
ством
Она скончалась. С бедною кухар-
кой
Они простились. В тот же день

пришли
За ней и гроб на Охту[4] отвезли.

Об ней жалели в доме, всех же
боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не
доле —
Жить можно без кухарки; что
нельзя
Предать свою трапезу божьей во-
ле.
Старушка кличет дочь: «Пара-
ша!» — Я! —
«Где взять кухарку? сведай у со-
седки,
Не знает ли. Дешевые так редки».

— Узнаю, маменька. — И вышла
вон,
Закутавшись. (Зима стояла гроз-
но,
И снег скрипел, и синий небо-
склон,
Безоблачен, в звездах, сиял мороз-
но.)
Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,

Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: — Вот я кухарку привела.

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разби-
рая.

«А что возьмешь?» — спросила,
обратясь,
Старуха. — Всё, что будет вам
угодно, —
Сказала та смиренно и свободно.

Вдове понравился ее ответ.
«А как зовут?» — А Маврой. —
«Ну, Мавруша,
Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклу-
ша
Служила мне в кухарках десять
лет,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не
смей».

Проходит день, другой. В кухар-
ке толку
Довольно мало: то переварит,
То пережарит, то с посудой полку
Уронит; вечно всё пересолит.
Шить сядет — не умеет взять
иголку;
Ее бранят — она себе молчит;
Везде, во всем уж как-нибудь под-
гадит.
Параша бьется, а никак не сла-
дит.

Поутру, в воскресенье, мать и
дочь
Пошли к обедне. Дома лишь оста-
лась
Мавруша; видите ль: у ней всю
ночь
Болели зубы; чуть жива таска-
лась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

Она подумала: «В Мавруше лов-
кой

Зачем к пирожному припала
страсть?

Пирожница, ей-ей, глядит плу-
товкой!

Не вздумала ль она нас обокрасть
Да улизнуть? Вот будем мы с об-
новкой

Для праздника! Ахти, какая
страсть!»

Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

«Стой тут, Параша. Я схожу
домой;

Мне что-то страшно». Дочь не
разумела,

Чего ей страшно. С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не сле-
тела;

В ней сердце билось, как перед бе-
дой.

Пришла в лачужку, в кухню по-
смотрела, —

Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх
какой!

Пред зеркальцем Параша, чинно

сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдово-
вой?
«Ах, ах!» — и шлепнулась. Ее уви-
дя,
Та, второпях, с намыленной ще-
кой
Через старуху (вдовью честь оби-
дя),
Прыгнула в сени, прямо на крыль-
цо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

Обедня кончилась; пришла Па-
раша.
«Что, маменька?» — Ах, Пашень-
ка моя!
Маврушка... «Что, что с ней?» —
Кухарка наша...
Опомниться досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле... —
«Воля ваша,
Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — Ах, она раз-
бойник!
Она здесь брилась!.. точно мой по-
койник! —

Параша покраснелась или нет,
Сказать вам не умею; но Мавруш-
ки
С тех пор как не было, — простыл
и след!
Ушла, не взяв в уплату ни полуш-
ки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто заступил Маврушу? призна-
юсь,
Не ведаю и кончить тороплюсь.

— Как, разве все тут? шути-
те! — «Ей-богу».

— Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою
шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравуученья?
«Нет... или есть: минуточку тер-
пенья...

Вот вам мораль: по мнению мо-
ему,
Кухарку даром нанимать опасно;

*Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и на-
прасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несоглас-
но
С природой дамской... Больше ни-
чего
Не выжмешь из рассказа моего».*

1⁸³⁰

Из ранних редакций

Первоначальный набросок вступления

*Пока меня без милости бра-
нят
За цель моих стихов — иль за бес-
целье,—
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,
Что славы прочной я добьюся
вряд,
Что хмель хорош, но каково по-
хмелье?
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, хоть это мудрено.*

*Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян.*

В ранней редакции за третьей строфой сле-
довало:

*У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрип ваш при-
умолк),*

Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский
полк?

Уж люди! мелочь, старички кри-
вые,

А в деле всяк из них, что в стаде
волк.

Все с ревом так и лезут в бой кро-
вавый,

Ширванский полк могу сравнить с
октавой.

Поэты Юга, вымыслов отцы,
Каких чудес с октавой не твори-
ли!

Но мы ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифмы заморили,
Могучие нам чужды образцы,
Мы новых стран себе не покорили,
И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать
куплет.

Ну, женские и мужеские слоги![5]

.....

Октавы трудны (взяв уловку ли-
сью,

Сказать я мог, что кисел вино-
град).

Мне, видно, с ними над парнасской
высью

Век не бывать. Не лучше ли назад
Скорей вести свою дружину ры-
сью?

Уж рифмами кой-как они брен-
чат —

Кой-как уж до конца октаву эту
Я дотяну. Стыд русскому поэту!

Но возвратиться все ж я не хочу
К четырехстопным ямба, мере
низкой.

С гекзаметром... о, с ним я не шу-
чу:

Он мне невмочь. А стих алексан-
дрийской?..

Уж не его ль себе я залучу?

Извивистый, проворный, длинный,
склизкой

И с жалом даже — точная змия;
Мне кажется, что с ним управ-
люсь я.

Он вынянчен был мамкою не ду-
рой

(За ним смотрел степенный Буало),
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике назло
Растреплен он свободною цензурой —
Учение не впрок ему пошло:
Ниго с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.

От школы прежней он уж далеко,
Он предался совсем другим уставам.
Как резвая покойница Жоко[6],
Александрийский стих по всем составам
Развинчен, гнется, прыгает легко —
На диво всем парнасским костоправам —
Они ворчат: уйметса ль негодяй?
Какой повеса! экий разгильдяй!..

О, что б сказал поэт законодатель[7],
Гроза несчастных, мелких рифмачей,

И ты, Расин, бессмертный подра-
жатель,
Певец влюбленных женищин и ца-
рей,
И ты, Вольтер, философ и руга-
тель,
И ты, Делиль, парнасский мура-
вей,
Что б вы сказали, сей соблазн уви-
дя,—
Наш век обидел вас, ваш стих оби-
дя.

У нас его недавно стали гнать
(Кто первый? — можете у Теле-
графа[8]
Спросить и хорошенько все
узнать).
Он годен, говорят, для эпиграфа
Да можно им порою украшать
Гробницы или мрамор кенотафа,
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе.

Сии октавы служили вступлением к шу-
точной поэме, уже уничтоженной[9].

Восьмая строфа (с другой редакцией окон-

чания) имела в рукописи продолжение:

*И табор свой писателей ватага
Перенесла с горы на дно оврага.*

*И там колышутся себе в грязи
[10]*

*Густой, болотистой, прохладной,
клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в
связи,*

*Кто раком пятится, кто вьется
змейкой...*

*Но, муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покроем телогрейкой
[11]*

*Оборванной и вместо похвалы
Поставим в угол «Северной пче-
лы»[12].*

*Иль наглою, безнравственной, ми-
шурной*

*Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барский
суд, —*

*Ведь нынче время споров, брани
бурной.*

Друг на друга словесники идут,

Друг друга жмут, друг друга ре-
жут, губят
И хором про свои победы трубят.

Читатель, можешь там глядеть
на всех,
Но издали и смейся то над теми,
То над другими. Верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или
смех
Плохой уж выйдет: шутками од-
ними
Тебя как шапками и враг и друг,
Соединясь, все закидают вдруг.

Тогда давай бог ноги... Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу.
Порой я стих повертываю круто,
Все ж, видно, не впервой я им вер-
чу,
А как давно? того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу.
Как древний богатырь — а как на-
еду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к
обеду.

Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало тол-
ка.

У вас в шкапу, быть может, мне,
друзья,
Отведена особенная полка,
А может быть, впервой хочу по-
слать
Свою тетрадку в мокрую печать.

Когда б никто меня под легкой
маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строго критик пощелкал,
Уж то-то б неожиданной развяз-
кой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне
праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

А вероятно, не заметят нас,
Меня, с октавами моими купно.
Однако ж нам пора. Ведь я рас-
сказ

Готовил — а шучу довольно круп-
но

И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой враг мой: все ему до-
ступно,

Он обо всем болтать себе при-
вык!..

Фригийский раб, на рынке взяв
язык,

Сварил его... (у господина Кона[13]
Коптят его). Езоп его потом
Принес на стол... Опять! зачем
Езоп

Я вплел с его вареным языком
В мои стихи — что вся прочла Ев-
ропа,

Нет нужды вновь беседовать о
том.

Насилу-то, рифмач я безрассуд-
ный,

Отделался от сей октавы труд-
ной.

Комментарий

Написано в 1830 г., напечатано в 1833 г. Содержанием поэмы является литературная борьба, которую приходилось Пушкину вести в это время.

С конца 20-х гг. Пушкин сделался предметом настоящей травли со стороны критиков и журналистов. Его новые произведения, выходявшие в это время, не имели успеха у читателей. Критики упрекали Пушкина в мелкости содержания его поэзии, в отсутствии серьезной идеи или «цели», как тогда говорили. Они отрицали какое-нибудь серьезное содержание и в «Полтаве», и в «Евгении Онегине», а позже — в «Борисе Годунове». За этими упреками скрывалось требование реакционного общества (и правительства), чтобы поэт прославлял, воспевал существующий режим, военные успехи правительства, воспитывал своими стихами общество в духе традиционной казенно-обывательской морали, как это делал в своих «нравственно-сатирических» романах Булгарин. В этих требованиях морализации и оценках пушкинской поэзии, как

легковесной и даже безнравственной, объединялись критики всех лагерей, от Надеждина до Булгарина. Пушкин, решительно не принимавший этих упреков и считавший, что он должен делать свое большое дело независимо от того, что «толпа его бранит» и «плюет на алтарь», где горит его поэтический огонь, — ответил на все обвинения в безыдейности и требования моральных поучений в стихах — поэмой «Домик в Коломне» (1830). Автор самых глубоких по идейному содержанию произведений, Пушкин в то же время отстаивал для поэзии право на несерьезные, легкие, шуточные темы. «Есть люди, — писал он, — которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпрренной...» («Путешествие В. Л. П.»). Он считал более правыми «тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шуток, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостью...» (там же). Об упреках в безнравственности его поэзии он писал: «...Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной иг-

рою воображения, может показаться безнравственной только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие» («Опровержение на критики»).

В «Домике в Коломне» все полемично, начиная с совершенно анекдотического ее сюжета. Сначала Пушкин думал так начать свою поэму:

*Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье, —
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта не безделье...
Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян... —*

вместо всего этого он пишет поэму на «пустяковый» сюжет. Отказавшись от этого начала, Пушкин перенес свое вышучивание критиков-моралистов в конец поэмы:

*Как, разве все тут? шутите! —
«Ей-богу».*

.....
.

— Да нет ли хоть у вас нравоуче-
нья?

«Нет... или есть: минуточку тер-
пенья...

И дальше, перечислив ряд издевательских
«выводов» из своей поэмы, заключает:

*...Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего».*

Полемический характер носит и непропорционально длинное вступление, где Пушкин рассуждает о технических вопросах поэтического искусства: о рифмах, о стихотворных размерах, цезурах, о трудности выбранной им строфической формы — октавы[14]. Сами по себе эти рассуждения очень интересны, несмотря на их шутливую форму, но вне полемической цели, всерьез, Пушкин никогда не стал бы посвящать им столько места в стихотворном произведении. Известно его отрицательное отношение к писателям, которые «...полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком

напоминает гремушки и пелёнки младенчества». Так писал Пушкин в том же 1830 г., в котором написан «Домик в Коломне», в рецензии на книгу «Жизнь, поэзия и мысли И. Делорма». Полемически заострена была и включенная в поэму сатирическая характеристика современных журнальных нравов, но при публикации поэмы (лишь через три года после написания ее) Пушкин убрал это место, как и многое другое (он сократил свою небольшую поэму почти на полтораста стихов!)[15], сведя его всего к двум строчкам:

*И табор свой с классических
вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.*

Однако в этой легкомысленно-веселой, с первого взгляда, поэме то и дело неожиданно прорываются ноты глубокой грусти и горечи. Прервав с самого начала свой рассказ о «смирной лачужке», где жила вдова с дочерью (строфа IX), поэт переходит к размышлениям, сначала грустным, затем все более горьким и озлобленным; он должен усыплять или давить в сердце «мгновенно прошипевшую

змию»... Поэт мрачной шуткой отбрасывает эти мысли:

*Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена уны-
лость:
Оставим это, — сделайте мне
милость!*

Второй раз прерывается рассказ грустным отступлением после XX строфы, где рассказывается о прекрасной, молодой и богатой графине и о том, что скрывалось за ее гордостью и величавостью:

*Но сквозь надменность эту я
читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...*

и т. д.

Этот эпизод никак не связан с сюжетом «Домика в Коломне», но он, как и предыдущий, приоткрывает подлинный характер с виду «легкомысленной» повести Пушкина, за веселым, шутливым рассказом которой чувствуется грустная, огорченная и озлобленная душа поэта...

Описания Коломны — тогдашнего глухого предместья Петербурга, — образы ее жителей и их мещанского быта, несмотря на шуточный сюжет, даны с необыкновенной реалистической верностью, наблюдательностью и поэтичностью. Они пополняют ту обширную картину русской жизни, которую создал в своих реалистических произведениях Пушкин.

С. М. Бонди

Примечания

С. А. Ширинский-Шихматов — автор поэм религиозного содержания; выступал против применения глагольных рифм.

[^^^]

2

Популярный в мещанских кругах писатель
XVIII в.

[^^^]

3

Гоффурьер — старший лакей при дворе.

[^^^]

4

Кладбище для бедных на Охте.

[^^^]

5

Рифмы «женские» (с ударением на предпоследнем слоге) и «мужские» (с ударением на последнем слоге).

[^^^]

Жоко — Персонаж модной в 1820-х годах в Париже мелодрамы «Жако, или Бразильская обезьяна».

[^^^]

Буало.

[^^^]

Журнал «Московский телеграф», боровшийся против французского классицизма.

[^^^]

По-видимому, Пушкин собирался напечатать некоторые из этих строф отдельно от поэмы «Домик в Коломне».

[^^^]

В рукописи сохранился недоработанный вариант этого места:

*И табор свой с классических вер-
шинок
Перенесли мы на толкучий рынок.*

*И там себе мы возимся в грязи,
Торгуемся, бранимся — так что
любо,
Кто в одиночку, кто с другим в
связи,
Кто просто врет, кто врет сугу-
бо.
Но, муза, никому здесь не грози,
Не то тебя прижмут довольно
грубо
И вместо лестной общей похвалы
Поставят в угол «Северной пче-
лы».*

[^^^]

Намек на выражение в статье <И>. В. Киреевского, которое высмеивали журналы того времени: «древняя муза его (Дельвига) покрывается иногда телогрейкой новейшего уныния».

[^^^]

Газета, издаваемая Булгариным.

[^^^]

13

Владельца ресторана в Москве.

[^^^]

Строфа в восемь стихов, где первый стих рифмуется с третьим и пятым; второй — с четвертым и шестым; седьмой стих рифмуется с восьмым. Сложность этой строфы состоит в необходимости подбирать каждый раз не по две (как обычно), а по три точных рифмы, что, по свойству русского языка, но так легко.

[^^^]

См. эти выброшенные Пушкиным стихи в разделе «Из ранних редакций».

[^^^]